

В ВОРОНЕЖЕ Бунин родился, жил близ Ельца, бывал в Ефремове, работал в Орле, и есть еще несколько деревенек, в которых прошло детство и юность писателя и о которых можно прочесть в захватывающей, почти биографической книге «Жизнь Арсеньева».

В деревеньках Бунина знают по наездам его поклонников, а Воронеж, Орел, Елец и Ефремов считают его «своим» и стараются чем только можно утвердить память о земляке.

«Поедем в бунинские места», - давно говорит мой друг, редактор журнала для детей (и не только детей) с милым названием «Муравейник». Сам он в юности, прочитав Бунина, так полюбил стихи его и удивительную «пронзительного письма» прозу, что, когда после окончания университета будущим журналистам предложили на выбор место работы и многие выбрали кто Сибирь, кто Камчатку, Николай Старченко сказал: «А я поеду в Орел». Его влекли бунинские места.

Я тоже Бунину поклоняюсь и говорил: «Ну что в деревнях! Ничего же не сохранилось...» «А природа! Вспомни Михайловское - память о Пушкине лучше всего хранит сама земля: холмы, река, дуга, лес».

И вот мы едем в Ефремов, посещаем местный музей, а потом в компании нашей оказываются еще два «бунинца» - хранитель музея и директор районной библиотеки. Двум замечательным женщинам при нынешней музейно-библиотечной бедности никак не удалось попасть в места, очень им дорогие.

День природа нам подарила погожий, солнечный, тихий. Дорога была расцвечена звенящими красками осени, синели дали, багрянцем и золотом румянились в них леса и кустарники. Пока охали-ахали, вспоминая, конечно, Бунина, оказались в Ельце. Тут Ваня Бунин учился в гимназии и жил «на хлебах» здешнего помещика в маленьком доме, который в славном своей древности Ельце сохранился, и в нем сегодня музей.

Все интересно в музее - портреты матери и отца Бунина, портреты братьев, сестры, вещи и обстановка теперь уже не близких времен. Как и везде в музеях, больше всего волнуют предметы, которых касалась рука чьего-либо человека. Их тут немного, но они есть - присланы из Франции, где Бунин более трети отведенного ему века прожил изгнанником и где его творчество, уходившее корнями к впечатлениям детства и юности, не увяло, как это случалось у многих вдали от Родины, а набрало силу. С интересом разглядываем очки, британский прибор, баулы, с которыми путешествовал Бунин, листки со строчками его письма, ручку с «вечным» пером.

Хранительницы музея посоветовали нам пройтись по Ельцу, «черты которого то и дело узнаются в написанном Буниным».

Ходить по городу интересно. Давнишняя провинциальность стала в Ельце самобытностью, город хранит много ярких черт прошлого и стоит особняком на всем пути от Москвы до Воронежа. Парит над Ельцом огромный собор, удивительным образом не пострадавший в войне. Бунин во Францию, слушая сводки с линии фронта, горестно восклицал: Боже мой - Елец! Ведь это места глубинной России. Вот тут я жил, вот тут ходил, - говорил он, глядя на карту. Сохранилось здание гимназии, где Бунин учился и которую не окончил, сознательно прервав свое «официальное образование». Главным его университетом была деревенская жизнь.

ДЕРЕВНИ, в которой Бунин начал познавать мир, сегодня нет. Стоит лишь памятный столбик, означающий, что деревня была. Приглядевшись, в траве видишь остатки фундамента - белый с железной плиточный известняк, из которого в этих местах и поныне строят сараи, погреба,

Суходолы сегодня такие же, как и сто лет назад...

БУНИНСКИЕ МЕСТА

ограды дворов. Усадьба Буниных и жилой дом в ней были совсем небольшими, но для младшего сына в семье, впечатлительного Вани, это место навсегда сохранило очарование. Оглядываясь на прожитое, уже в Париже он написал: «Рос я в великой глуши. Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом - море хлебов, трав и цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание...»

Говорят, хочешь понять поэта, поезжай на его родину. Для Бунина колыбелью таланта были эти поля. «Ни гор, ни рек, ни озер, ни лесов, - только кустарники в лощинах, кое-где перелески и лишь изредка подобие леса, какой-нибудь Заказ, Дубовка, а то все поля, поля, беспредельный океан хлебов».

Повидав мир - моря, горы, шумные города, великие памятники человеческой культуры, - Бунин понимал, как бедна колыбель таланта его. Но ведь вырос талант! И это тоже понимал нобелевский лауреат, прокручивая ленту жизни назад до маленькой деревеньки с названием Бутырки (по «Арсеньеву» - Каменка). Сегодня здешний пейзаж все тот же, только не все поля пашут, и шуршат на них к осени не колосья, а буйки сорняков.

Одна из лучших повестей Бунина о вырождении дворянства - «Суходол» - написана по семейным преданиям, и место старинной усадьбы мы разыскали.

В бунинском подстепье в далекие времена проходила граница великого ледника. Уходя к северу, ледник оставил по себе много следов. Некоторые из них величественны, например пологий распадок в земле, по которому течет речонка. Называется этот покаты каньон Ворголом. Бунин видел его эпические кручи. А мелкие суходолы, просушенные, продутые ветрами балки - тоже, может быть, следы ледника.

Предки писателя жили на краю суходола. Вряд ли что-нибудь изменилось в распадке со времен разоренья усадьбы, разве что заросли мелких кустов поменяли картину. А от деревни кое-что сохранилось. Тарахтит на околице трактор, гортанно квоччет стайка индюшек (во многих дворах тут видишь этих экзотических птиц). Две старухи с худыми иконописными лицами выглянули из приземистой кирпичной избы. Знают ли Бунина? «Да, говорят, жил такой барин когда-то. Вот если б не умер Петро Кузьмич, он бы точно сказал, где что тут было. А мы - молодые». Одной

из «молодух» - восемьдесят два. На глазу бельмо. «Надо бы операцию...» «На какие шиши? - беззлобно откидается бабушка. - Доживу с одним глазом».

Между тем друг мой взволнован свиданием с сухололом: «Так все и представлял! Сними, чтоб видно было сухую лощину...»

ЦЕНТРОМ вселенной для юного Ивана Бунина стала деревня Озерки (в «Жизни Арсеньева» - Батурино), куда семья Буниных переселилась со смертью бабки (по матери). Окружающий мир был тут все тот же - поля, подхлотившие к порогу имени, просторное небо, колыханье хлебов, ласточки, крики перепелов. «Жизнь для семьи тут стала более справной». Старинный помещичий дом, хозяйство, сад, пруд. Но отец, живший без заботы о завтрашнем дне, прокутивший, промотавший все, что было до этого, и тут «покатился под гору». Все же дом, как вспоминает Бунин, в первые годы был полон довольствия, убывавшего, впрочем, стремительно. Это время совпало с годами «после гимназии», когда юный Иван мучительно думал о своем месте в жизни: кто я, что могу, куда идти, чем добуду свой хлеб? Он жадно впитывал все, что остро чувствовал в окружающей жизни. Тут Бунин понял, что значит в жизни людей Природа, что это не «лирические отступления», а сама жизнь - часть всего бытия человека. Сам он природу, по собственному признанию, воспринимал чутко, «как зверь». Уже во Франции написал: «Зрение у меня было такое, что я видел все семь звезд в Плеядах, слухом за версту слышал свист сурка в вечернем поле, пьянел, обоняя запах ландыша или старой книги...» Постигающий жизнь впечатлительный человек мучился от невозможности выразить словом все, в чем купалась душа. Но попытки выразить были и, видимо, что-то уже обещали, если отец, пеняя сыну за брошенную гимназию, все-таки говорил: «Кто знает, может, вторым Пушкиным или Лермонтовым выйдет?..» Вперед забежим и скажем: так и случилось, Бунин стал одним из последних классиков великой русской литературы.

Но тогда в Озерках юная, открытая миру душа искала хотя бы тропинку к счастью, к какому-то делу в житейском море. Между мечтаниями и «пробой пера» приобщался он к деревенской трудовой жизни - косил хлеба, стоял у вялки с деревенскими девками, поз-

нал первое чувство любви и выдох страсти. И впитывал, впитывал все, что могли подсказать ему загадочно молчавшие равнины подстепья.

И вот они, первые вести надежды. «Кучер, приостановившись, подал мне номер петербургского журнала, в который я, с месяц тому назад, впервые послал стихи. Я на ходу развернул его, и точно молнией ударили мне в глаза волшебные буквы моего имени».

Именно между тем приходило в полный упадок. Семья потомственных дворян обедала иногда «одной окрошкой», случалось, ели только хлеб с яблоками. Бунин хорошо понимал трагизм положенья семьи, но все еще крепко привязан был к дому и ко всему, что его окружало, уходя за синеющий горизонт. В последние годы жизни в Озерках он особенно много ходил и ездил верхом по полям, проводил ночи в саду, глядя в зеркало пруда, отражавшего луну и звезды. Он остро чувствовал сезонные перемены в природе - осеннюю тоску

обжитый, он оставляет чувство полноты, «как будто Пушкин только что вышел из него подышать воздухом к Сороти». Можно и эту постройку обжить, наполнить вещами нужного времени. А вдруг найдется что-то, к чему прикасалась бунинская рука? (Кланюсь всем с просьбой: если это «что-то» найдется, пишите немедленно нам в газету. Все дары святому месту России помогут утвердить память о человеке, чьи деянья проникнуты любовью к Родине. Нам сказали, что дело создания музея-усадьбы в Озерках взяли в руки свои, липчане. Низкий поклон им. Да будут все их добрые замыслы!)

Более часа ходили мы около сруба, угадывали, где и что стояло в годы, когда жизнь тут была наполнена теплом и звуками, когда Бунин выводил со двора Кабардинку и с двухстволкой ехал в поля.

Память о тех временах хранит старый сад (одичавшие остатки его). Цветет весною сирень, плотной гривой стоит крапива, краснеют к осени ягоды шиповника, можно пожевать сейчас кислое яблочко с дичка, идущего от корней старой антоновки, под которой мог стоять молодой Бунин, наблюдая

менитой его «Деревни». Тут написан был бессмертный рассказ «Антоновские яблоки», тут заканчивал он работу над переводом «Песни о Гайавате». И «Листопад! Он написан тоже в Огневке. Возможно, в такой же вот день видел Бунин праздник осенних красок». И мы вместе хором прочли начало лучшего в русской поэзии описания осени. «Лес, точно терем расписной, / Лиловый, золотой, багряный, / Веселой, пестрою стеной / Стоит над светлою поляной».

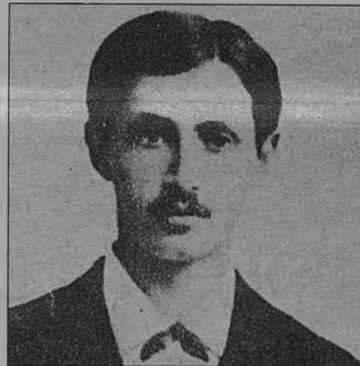
В ПОСЛЕДНИЙ раз в родные места Бунин приехал в 1917 году, когда большая беда уже тучей накрыла Россию. Полный тревожных предчувствий, наблюдая пожары в дворянских усадьбах, Бунин с особенным чувством вглядывался во все, что было дорого в этом подстепье. Возможно, часом прощанья исторгнуты строки бессмертных стихов. «И цветы, и шмели, и трава, и колосья, / И лазурь, и полуденный зной... / Срок настанет - Господь сына блудного страсит! / Был ли счастлив ты в жизни земной? / И забуду я все - вспомню только вот эти! / Полевые пути меж колосьев и трав - / И от слободных слез не успею ответить, / К милосердным коленам притаю».

восход красноватой луны над прудом.

Пруд по-прежнему в тех же берегах. Так же плотно со стороны усадьбы обрамляют его не желтеющие до зимы ветлы, купаются в пруду беззаботные утки и ходит лениво по берегу, погрывившая целью, белая лошадь.

Сюда и сегодня уже кое-кто приезжает. И, уверен, будет шириться, уплотняться дорожка в бунинские места всех, кто постиг волшебство бунинского стиха и дышащие поэзией его повести и рассказы.

УТВЕРДИВШИСЬ в жизни и по-видав мир, Бунин постоянно стремился в родные места. Они будили воспоминания, давали пищу раздумьям. Когда усадьбы в Озерках уже не стало, Бунин останавливался в

Молодой Иван Бунин.

Воссоздание дома в усадьбе Буниных.

именице брата, в деревне Огневка. И тут - все те же поля, суходолы с «овчинками» кустарников. Огневка жива и поныне, хотя и до крайности оскудела. Мы стояли на ее околице уже вечером. Утопали в сумерках синие дали, прогнали через выгон коров, уже потускнели багрянец и желтизна кленов и одиноких у выгона груш. «Вон там на бугре стоял барский дом...» - объясняла нам женщина, поставив на землю корзину яблок. «Да, да, - вторил ей мой друг из славного «Муравейника». - Сюда приезжал Иван Алексеевич уже прославленным человеком. Огневка стала прообразом зна-

Бунина был Поэтом в широком смысле. Начиная творческий путь стихами и знал им цену. Но известен читателям он больше прозой, проникнутой острым ощущением жизни, ее красок, запахов, звуков, страстей человеческих. Завидую тем, кто Бунина еще не читал - им предстоит открытие ярких творений и человека, о котором сказано: «Выньте Бунина из русской литературы, и она потускнеет, лишится радужного блеска и звездного сияния его одинокой страннической души».